

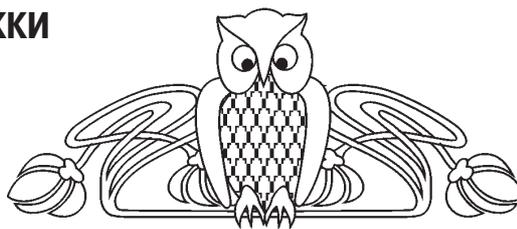

УДК 821.161.1.09-6+929Зощенко

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ М. М. ЗОЩЕНКО. ПОПЫТКА ОПИСАНИЯ

А. Д. Сёмкин

Санкт-Петербургская государственная академия
театрального искусства
E-mail: gerasim.61@mail.ru

Предметом рассмотрения в настоящей статье стали записные книжки М. М. Зощенко. При подготовке использованы материалы из музеев Санкт-Петербурга, ИРЛИ и, в первую очередь, фондов Государственного литературного музея «XX век». Рабочие блокноты, записные книжки М. М. Зощенко – безусловно, важнейший источник при работе над научной биографией писателя. Они представляют собой испытательный стенд, полигон для разработок, масок, сюжетов, арсенала приемов – на протяжении всей творчества М. М. Зощенко.

Ключевые слова: М. М. Зощенко, записные книжки, дневники, эпиграммы, эго-документы, история замысла, творческая лаборатория, культурный контекст.

Unpublished Notebooks of M. M. Zoshchenko. An Attempt at Description

A. D. Semkin

The article focuses on the notebooks of M. M. Zoshchenko. The materials from the museums of St. Petersburg, IRLI (the Institute of Russian Literature), and, first of all, of the funds of the State Literary Museum «XXth century». M. M. Zoshchenko's working notebooks, pocket-books are undoubtedly the most important source for the scientific biography of the writer. They represent the test-bench or the testing ground for the development, masks, plots, a range of techniques in the course of M. M. Zoshchenko's oeuvre.

Key words: M. M. Zoshchenko, notebooks, diaries, epigrams, ego-documents, idea history, creative laboratory, cultural context.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-1-85-90

Предметом рассмотрения в настоящей статье стали записные книжки М. М. Зощенко. При подготовке мы использовали материалы рукописного отдела ИРЛИ, материалы, хранящиеся в рукописно-документальном фонде музея истории города, и, в первую очередь, в фондах Государственного литературного музея «XX век», создававшегося первоначально как музей-квартира М. М. Зощенко, в котором числится пять отдельных единиц хранения записных книжек и тетрадей с записями. Некоторые фрагменты записей были опубликованы в сборнике «Лицо и маска Михаила Зощенко»¹, а также в третьей книге издания «Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии»², подготовленного ИРЛИ.

Тематика рассматриваемых нами записей поражает разнообразием: подчас на одной странице встречаются и сентенции общего характера, и деловые заметки, и телефоны... и, конечно, раз-

мышления о проблемах художественного творчества в целом, и собственная творческая мастерская. Широта интересов «недоучки» Зощенко поражает. Он размышляет об искусстве, цитируя Крамского, Н. Н. Ге, Толстого, Репина, Федотова; о природе смеха – цитируя Аристотеля. Кроме вышеупомянутых, на страницах только одной записной книжки Зощенко мы встречаем имена Лопе де Вега, Чайковского, Бакунина, Скрябина, Андреева, Толстого, Станиславского, Бергсона, Пушкина, Горького, Ленина, Чаадаева, Шекспира, Паскаля, Чехова, Потапенко, Дорэ, Стендаля, Скаррона, Щедрина, Витте, Эренбурга – всех не перечислить. Культурный контекст молодого Зощенко широчайший: тетради наполнены цитатами и размышлениями о Кнута Гамсуне, Достоевском, О. Уайльде, Э. Роттердамском, Гауптмане и многих других. Четыре страницы занял только список упомянутых писателей и философов (от Канта до современников). Столь же разнообразны и интересы писателя: современная лексика, война с Японией, киты, рабы и рабство, современные религии, медицина, шарлатаны, атом, хрусталь, стекло и т. д.

Председатель комиссии по литературному наследию Зощенко Юрий Владимирович Томашевский писал о значимости записных книжек в творческой работе писателя: «Зощенко не вел дневников. Но бумага для записей всегда была у него при себе. Первые записи относятся к 1915 году... последние – за несколько дней до смерти, в 1958 году. Всего сохранилось около сорока тетрадей и записных книжек, в которые Зощенко заносил впечатления дня, мысли, выражения, обороты, слова, которые могли пригодиться для работы над задуманными рассказами и повестями»³. Далее Томашевский отмечает, что хотя дневников в строгом смысле слова писатель не вел, но «это как бы строчки из дневника... выраженные в сжатой форме плоды его размышлений о текущей и будущей жизни людей»⁴.

Подобное же мнение высказывает А. И. Михайлов, который называет этот жанр вообще промежуточным образом – «дневниковыми записями»: «Назвать “дневником” эти 15 частично исписанных рукой Зощенко, частично напечатанных на машинке листков можно лишь весьма условно... Их жанровый характер неоднороден и в каждом случае определен самим автором»⁵. По мнению исследователя, эти записи в одном случае

являются заготовками для будущих рассказов и повестей (удачно явившаяся мысль, выражение, фраза, яркая характеристика, интересное наблюдение), в другом – представляет собой некий вариант самоисследования, самонаблюдения. Протируем слова исследователя, подтверждающие, по нашему мнению, возможность рассматривания записных книжек как вполне адекватную замену писательскому дневнику: «...записи 1921 года носят уже характер полноценного “дневника писателя”, фиксирующего события, связанные с его творческой деятельностью...»⁶

Рабочие блокноты, записные книжки М. М. Зощенко – безусловно, важнейший источник при работе над научной биографией писателя. Однако, по нашему мнению, речь должна идти не о научной, а скорее, о творческой биографии, которая является для писателя важнейшей ее частью.

У Зощенко, что на первый взгляд может показаться странным, – это биография идеологическая, история его движения в пространстве того, что В. В. Набоков саркастически называл Большими Идеями: «Всё остальное – это либо журналистская дребедень, либо, так сказать, Литература Больших ИдеЙ, которая, впрочем, часто ничем не отличается от дребедени обычной...»⁷

Почему мы вспомнили Набокова? Да потому, что именно он нашел и увидел именно в Зощенко едва ли не единственную родственную душу в советской литературе – кроме него Набоковым упомянуты были лишь И. Ильф с Е. Петровым да Ю. К. Олеша. В интервью Альфреду Appelю (в сентябре 1966 г.) на вопрос: «Нравятся ли Вам какие-либо писатели, целиком принадлежащие советскому периоду?» – он ответил: «Было несколько писателей, обнаруживших, что если они станут придерживаться определенных сюжетов и персонажей, то сумеют вывернуться – в политическом смысле... В итоге Ильф с Петровым, Зощенко и Олеша ухитрились опубликовать несколько безупречных по качеству литературных произведений...»⁸

Но кого же видел Набоков в Зощенко? Разумеется, автора «Бани» и «Аристократки».

Вспомним, как сам Зощенко реагировал, когда у него требовали чтения этих его «хитов». Эти требования вызывали у него раздражение, поскольку свою миссию он видел совсем в другом. Очевидно, здесь кроется достаточно серьезное недоразумение.

И действительно, что представляет собой творческий путь Зощенко?

Его короткие рассказы только внешне анти-идеологичны – поскольку вызывающе аполитичны, действительное же их содержание составляют мучительные и безрадостные размышления о природе человека, о его месте в мире.

В «Сентиментальных повестях» звучит жгучая боль за человека, который, совсем по Достоевскому, осознает себя не вправе считаться человеком, не вправе жить.

«Возвращенная молодость» основана на целостной научно-философской концепции.

«Голубая книга» – вещь учительская и даже проповедническая.

В повести «Перед восходом солнца» находим последовательное и логичное изложение стройного мировоззрения.

А значит, и творчество Зощенко можно назвать Литературой Больших ИдеЙ.

Парадоксальный факт – именно это ненавидел Набоков. «Стиль и структура – это сущность книги; большие идеи – дребедень»⁹.

Так ошибался Набоков – но не только он. Уже много раз констатирована загадочность творческой личности Зощенко, непонятность, странность, невозможность встроить его в какую-либо парадигму или вставить в обойму. Вот названия некоторых публикаций разных лет о Зощенко: «Очень странный классик», «Неизвестный Зощенко», «Зощенко и его тень», «Свифт, принятый за Аверченко», «Неизвестный советский гражданин, которого звали Зощенко», «Михаил Зощенко: клоун, философ, закрытое сердце», «Мифы Михаила Зощенко», «Зощенко приняли не за того писателя, каким он был», «Печальный смех Михаила Зощенко», «Зощенко, который не смеялся»¹⁰... Именно это, вполне обоснованное, представление о Зощенко как о мыслителе и позволяет включать его не только в парадигму сатирической и юмористической литературы, но и, все чаще, в круг литературы философской – Ницше, Фрейда, Бергсона.

Как отмечает Ю. В. Томашевский, стремление к философским раздумьям о месте человека в жизни возникло у Зощенко буквально с первых его шагов в литературе, что и отразилось в его дневниковых записях – в них парадоксально сочетаются подмеченные словечки, афоризмы, картинки с натуры и глубокие выводы о несовершенстве человеческой природы, о месте человека во Вселенной.

Конечно же, в первую очередь исследователя должно интересовать отражение реальной биографии в творчестве. Такое отражение может оказаться порой весьма неожиданного свойства. Особенно это касается самого первого этапа творческого пути писателя. В период нелегкой и смертельно опасной службы, пребывания на фронтах Первой мировой Зощенко пишет в основном только сугубо конкретные стихи на случай, полковые эпиграммы. Этот почтенный жанр известен со времен Д. Давыдова. Сразу оговоримся: художественные достоинства этих миниатюр очень относительны. Но в любом случае они интересны как факт истории. Поэтому позволю себе привести несколько опусов, которые удалось расшифровать – они никогда не публиковались:

Полковнику Трухачеву. Экспромт

С начальством мил, а с нами прост
Нельзя сказать, чтоб был прохвост

Фамилья только подкачала
– Труха... – пойми сначала
xxxxx
На это каждый мне ответит
Фамильей Бог и шельму метит.

Штабс-капитану Кириллову, «Волжскому грузчику»

Таскать на пристани кули
Ведь легче, чем служить в пехоте
Податься в тыл не лучше ли,
А то в чинах и вдруг на роте¹¹.

А рядом, в этой же тетради – черновики писем с фронта. Впрочем, иногда у раннего Зощенко трудно отличить реальное письмо от литературы, поскольку и письма строились как художественное произведение. Например:

«Для сердца не придуманы законы, и искренности чужда логика. А потому не задумывайтесь над словами моими и не ищите в них связности. Мое письмо – эссенция сомнений, в нем и сам не нахожу ни связи, ни логики, и им не хочу им объясниться (это слово зачеркнуто. – А. С.) открыть вам все чувства свои и не хочу тонким как паутина дипломатическим подходом войти к вам в душу»¹². Кому адресовано это письмо – ясно из позднейших пометок; это первая любовь писателя Надя Русанова-Замысловская.

Отметим, кстати, что с точки зрения самых общих сведений о личности и судьбе писателя записные книжки представляют уникальные возможности для исследования – прекрасный материал буквально на каждой странице. Вот, к примеру, запись (узнаем страсть Зощенко к систематизации всего на свете) «Мои чудесные случаи спасения»:

«1) Тонул (на гонках) Нева; 2) Самоубийство. Яд; 3) Война. Взяли адъютанта; 4) Стреляли из пушки в меня; 5) Революция; 6) Карточ (?), на дверях (?), скор. (?); 7) Я уехал из Лигово; 8) Я на фронте. 19 год; 9) Поезд. 14 год. Кисловодск; 10) 1943 год. Москва через площадь; 11) 1946 (нрзб.)»¹³.

Собственная личность, психическая организация ее во всей ее сложности – постоянная тема записей Зощенко, тема психоаналитическая, с расписыванием симптоматики, комплексов, страхов... Вообще в записных книжках разного времени множество набросков, списков фобических объектов и страшных событий – можно сказать, это лаборатория аутопсихоанализа, который выливается в подробнейшее исследование. Здесь и история болезни, и диагноз, и целая медицинская теория. Особенно интересно, что все это пишется уже после окончания работы над повестью «Перед восходом солнца»! Создается впечатление, что работа над книгой так и не была окончена, да и не могла быть окончена, пока тема ее сохраняла для Зощенко всю свою жгучую актуальность. Перед нами подлинное продолжение этой важнейшей для писателя книги: «Психогенные симптомы. После анализа и логического исследования не-

здоровой психики остаются привычные реакции. Их надо убрать, как я убрал нездоровые симптомы сердечной болезни... уверен, что дефекты суть психического характера. И при вере в иное состояние – отрицательные симптомы уходят»¹⁴.

Даже записи биографического характера у Зощенко чаще всего касаются именно случаев психиатрических – например, о художнике П. Федорове, об ужасных подробностях, связанных с его пребыванием в психиатрической больнице¹⁵.

Рассмотрим подробнее, как выглядят в записях писателя некоторые темы, актуальные для Зощенко в течение многих десятилетий.

1. *Интеллигенция и способ существования интеллигента в мире.* Отрицание интеллигенции в дальнейшем (все это легко показать на материале огромного количества рассказов Зощенко, в которых он активно позиционирует ненависть не только к интеллигенции как к классу, но и как к соответствующему способу мировосприятия) мы находим и в дневниковых записях: «Интеллигенты старого времени не способны на проявление сильных чувств». Или: «Интеллигенты не знали духовной жизни народа»¹⁶. В «воспоминаниях» 1950-х гг. приводятся отдельные случаи, записи, в частности, противопоставляющие силу простого мужика – слабости интеллигента: «Сани под лед. Помог лошади. Воду из валенок. А потом сам. Интеллигент бы сдох»¹⁷.

Однако в более ранний период приоритеты были расставлены по-другому: «Он сказал: “Нужно быть упругим, стальным и на стальных рельсах. Тогда легко продвигаться вперед. Это сокрушительная сила, это величайшая сила”. Но я ответил ему: “Я предпочту быть простой телегой, чтоб, больно стуча колёсами, тащиться по камням. Ибо тогда разнообразен путь и не проложен он мыслями другого”»¹⁸.

В принципе, та же оппозиция использована и в следующем отрывке: «Путь мозга – путь жалких пяти чувств, которые обнимают жизнь, в её глупой и грустной будничности. Путь души – путь через пропасти с мучительным предчувствием иной жизни. Путь мозга – путь математики, логики и естественных наук; душа – праздничный день – она не знает интегралов ни во времени, ни в пространстве»¹⁹.

Как это не совпадает с навязанной самому себе темой биологического начала – как все просто. Позднее эти размышления приведут писателя к убеждению: «Жизнь, на мой ничтожный взгляд, устроена проще, обидней и не для интеллигентов»²⁰. А человек состоит всего лишь из воды, соли, угля, кальция... (не забудем, конечно, и о той горечи, что стоит за этими утверждениями, о противостоянии автора этой простоте: «...Черт побори, как все просто на свете! И зачем я об этом узнал? Может, как раз от этого мне теперь жить скучно»²¹).

2. Тесно связана с вышеизложенным *тема нормальности – ненормальности.* Интересно от-

метить в этой связи прокламируемую ненависть к норме, под которой Зоценко понимал, очевидно, нечто принципиально иное, чем Чехов или Довлатов (преклонявшийся перед Чеховым именно за его нормальность).

«...Люди делятся на человекоподобных и человека с большой буквы. Первых большинство, а потому они нормальны в жизни. Человек – ненормален. Во всём. Идите к этой ненормальности. Это огромное, к чему должен подойти человек. Это не парадокс. Нормальный умирает от несварения в желудке. Ненормальный от безумия. <...> Разве может быть что-нибудь хуже нормального?»²²

Отметим и здесь трансформацию взглядов писателя на протяжении жизни – на склоне лет Зоценко приходит опять-таки к иной этической системе. Так, в поздравлении с 60-летием Евгения Шварца звучит утверждение порядочности (именно как нормальности) в качестве высшей ценности: «Выпьем за Женю, он очень приличный человек»²³.

Кстати, об упомянутых выше фрагментарных публикациях в «Лице и маске Михаила Зоценко» – естественно, были опущены записи с привкусом эротики. Скажем, воспроизводятся сентенции о русском человеке (о том, что он любит быть обиженным, а не обидчиком, или о том, что неизвестного русский человек назовет сперва подлецом). А рядом находим явно фантастического, мистифицирующего характера обращение к некоей, очевидно вымышленной возлюбленной: «Вы так правду любите? Поверьте, правда – самая жестокая истина в жизни. Мне стыдно, стыдно сказать вам: я хочу вас! И я говорю: Я люблю Вас. Любовь позволяет все»²⁴ – опущено.

И тут же наброски, представляющие собой опять воображаемый диалог с барышней: «Я не буду дальше говорить. Ваш нежный мозг погибнет от напряжения». И тут же размышления о бессмертии, о славе, о психологических границах личности, не оставляющие Зоценко и в будущем («Но там, где начинаюсь я, там вы кончаетесь»²⁵).

3. Естественно, важнейшая для писателя тема – *искусство как таковое*. Здесь и достаточно общие рассуждения: «Дидактика и мораль. Искусство как средство просвещения было в эпоху Просвещения. В наш век, начало XX конец XIX, искусство как наслаждение». Но, самые главные слова – о словах: «Самое важное в их жизни – слова. Из-за них люди шли на костры». Сентенции о могуществе слова как искусства заставляют вспомнить философию Серебряного века: «Не жизнь создала искусство, а искусство создаёт жизнь»²⁶.

Загадка, связанная с очарованием неповторимого стиля Зоценко, отчасти поясняется его теоретическими размышлениями о ритме, о прозе как поэзии: «Не только содержание, но фразы и даже отдельные слова должны быть в полной и чрезвычайной (совершенной) гармонии. Должен быть ритм, должен быть размер и музыкальный подбор. И каждому настроению – свой размер»²⁷.

Несколько страниц в блокноте 1918 г. занимают порой размышления – о футуризме, форме в искусстве: «Вся сущность смены старого искусства новым – смена формы» или: «Я говорю, что в исканиях нового прекрасного лучше пожертвовать содержанием (унизить его), чем в старую форму влить новую предметность». Или так: «Искусство не должно соперничать с фотографией. Может быть, будет достаточно ярких красок, радостных пятен, радостной ново-прекрасной формы»²⁸. Эта патетика прекрасно иллюстрирует, делает очевидным то, о чем мы знаем теоретически – генезис творческой личности Михаила Михайловича. Как ощущается здесь эпоха, как все это по-бальмонтовски, по-евреиновски, по-декадентски... Вспоминается, что «...все в жизни лишь средство для звонко-певучих стихов». Здесь мы чувствуем родство Зоценко со всей культурой Серебряного века.

Но и стремление с ней порвать – здесь же, на соседних страницах – напряженный поиск принципиально нового, своего слова («голодовал», «нежное обращение понимал», «очень мерзостно смотреть», «лосный (блестящий)»...). Рядом патетика (Серебряный век): «...там, где растёт печаль, там страдания мои, там и моё наслаждение. Ибо как я могу наслаждаться радостью, если радость никогда не бывает величественной, а страдание всегда таково?»²⁹ И тут же: «Очень мерзостно смотреть», «Булок подложила к чаю», «Средней честности», «Нежное обращение понимал» – это язык уже нового Зоценко.

Постоянно размышляет писатель о вопросах искусства и в поздних записях: интересны такие темы, как интерпретация понятия «соцреализм», о теории бесконфликтности и т. д.

Еще один небезынтересный аспект – отражение в записях разных лет некоторых ярких особенностей личности писателя, динамика трансформации их с течением времени – например, склонности к беспощадной критической оценке всех и всяческих авторитетов.

О Толстом: «Все проповеди повторения старых мыслей, ... повторений со старческим апломбом»³⁰. (Зоценко обвиняет Толстого в нелепости, эгоцентризме.)

О Л. Андрееве: «Как странно, что такой более чем посредственный, безвкусный писатель пользовался такой огромной популярностью и был чуть ли не властителем дум...»³¹

О Станиславском: «То-то мне так не нравился Станиславский. Неопрятна книга “Моя жизнь в искусстве”. Манерная... Намеренно заумная... Местами плоско и пошло»³².

Об Олеше: «Тяжким делом было для меня читать дневниковые записи Олеси. Тут не то плохо, что видны границы в сущности посредственного ума. Тут плохо – некоторые отвратительные его черты характера, подобострастие перед сильным и трепет перед известным – почти мальчишеские черты, и неприятные. Кто подбил его напечатать

эту галиматью? Пусть бы думали (и всем было бы приятно), что он беспредельно умный, как думали все и многие годы. Как жаль и грустно за него»³³.

Вернемся в творческую лабораторию Зощенко. Два аспекта выделял сам писатель:

а) фразы:

«В эту горестную для меня минуту...»;

«Прикованы к земле самыми пошлыми её удовольствиями»;

«Видит кошка молоко да рыло коротко»;

«Жил очень хорошо и вскоре умер»;

«Младенческая душа его»³⁴.

Отметим, что это не просто фиксация словоформы, наслаждение вкусным словом – параллельно мы участвуем в процессе осмысления этого новаторства: «“Царапнула глазом” – это удивительно характерно. Это преувеличенное обновление старых слов. Слова – посмотрила, взглянула – устарели <...> И не вызывают у нас ярких представлений. Царапнула глазом – заставляет по-новому взглянуть»³⁵;

б) записи сюжетов в записных книжках: «Рассказы врача», «Пять основных сюжетов» или любовные новеллы (намечены 37 позиций, в том числе очень увлекательные, даже только по названиям). Рядом намечены «Темы для книги новелл» – всего 11 тем. Мы попытались проследить судьбу этих замыслов. (Среди них есть поистине увлекательные темы: «1. Прокурор. Директор завода. (работал лучше при Сталине но нервы были плохие). 2. Замазка. Сила начальника, который желает добра, а в деле ничего не понимает. 3. Секретарша (злая) властная. Ей подарили собаку. Надо было видеть, с каким восторгом она приказывала ей».)

Вновь очевидна параллель с «Перед восходом солнца» в сюжете № 4: «Закалял себя. Бегал вокруг поезда. Лазал. Упросил меня 2ую полку. Взобрался как обезьяна. Ел орехи и виноград. Умер от разрыва сердца. Нашли возле тарелки с орехами». К рассуждениям о сути соцреализма писатель возвращается в сюжете № 5: «Социалистический реализм неправильно понимали. Корреспондент написал о больнице, которой не было»³⁶. Ну, а единственный полностью осуществленный замысел выглядит так: «Война. Бомба в дом-дачу. Судьба. Через 10 лет годовщина. Сын сказал: не судьба, а не верил в могущество советской авиации»³⁷ (это – известный рассказ 1950-х гг. «Грубые ошибки»).

Уже говорилось о стремлении Зощенко к систематизации: в последних записях также множество списков, перечней: «Темы любовные. Малые новеллы. Новеллы “Русские люди”». Или так: «Наиболее сильные темы 1957–58». Вообще же и здесь причудливо соседствуют сюжеты то об Олеше, то о бухгалтере в Алма-Ате, то о Скрябине, цитаты и размышления о Чехове и Аристотеле. Речь идет то о проститутках, то о коммунизме: «В России должен быть коммунизм (допустим, мужичий) иначе темное царство», то об аракеевщине, то о Древней Руси, о разбойниках и мятежниках, искусственном спутнике

Земли, Вельтмане, о Каспийском море... Возможно, и даже вероятно, что все это материалы к задуманной книге (также по замыслу систематизаторской): «Что меня больше всего поразило».

В завершение обзора записных книжек хочется подчеркнуть: совершенно очевидна необходимость и настоящей полной публикации всего корпуса записей, и кропотливой работы с текстами. Очевидна по двум причинам.

Во-первых, они представляют собой испытательный стенд, полигон для разработки, масок, сюжетов, арсенала приемов – на протяжении всей творческой биографии писателя.

Во-вторых, эти материалы убедительно подтверждают мысль Ю. В. Томашевского о том, что Зощенко и в самые трудные годы не падал духом. Фантастический кругозор, живой интерес ко всему окружающему – ответ тем, кто утверждает, что в 1950-е гг. морально сломленный писатель вел полурастительное существование. Таким образом, окончательный вывод сформулируем следующим образом: необходима публикация этих записей с соответствующими комментариями, чем пока никто всерьез не занимался. Это бесценный материал для понимания творческой и философской эволюции Михаила Михайловича Зощенко.

Примечания

- 1 См.: Михаил Зощенко. Из тетрадей и записных книжек // Лицо и маска Михаила Зощенко / сост. Ю. В. Томашевский. М., 1994. С. 105–134.
- 2 См.: Из дневниковых записей М. М. Зощенко (1916–1921). Публикация А. И. Михайлова // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии : в 3 кн. Кн. 3. СПб., 2002. С. 102–111.
- 3 [Томашевский Ю. В. Вступительная заметка к публикации] // Михаил Зощенко. Из тетрадей и записных книжек. С. 105.
- 4 Там же. С. 106.
- 5 Из дневниковых записей М. М. Зощенко (1916–1921). Публикация А. И. Михайлова. С. 102.
- 6 Там же.
- 7 Набоков В. Лолита. О книге, озаглавленной «Лолита» (Послесловие к американскому изданию 1958-го года). URL: <http://gibrid.ru/lolita/posl-en.htm> (дата обращения: 13.01.2016).
- 8 Цит. по: Кобрин К. Новейший путеводитель по Зощенко [Рец. на кн.: Жолковский А. К. Михаил Зощенко : поэтика недоверия. М., 1999] // Нов. лит. обозрение. 2000. № 42. С. 354.
- 9 См.: Уздина М. Набоков В. Штрихи к портрету. Ч. 4. URL: <http://proza.ru> 2014/10/31/1286 (дата обращения: 13.01.2016).
- 10 См. об этом: Семкин А. Вокруг М. М. Зощенко. Что писали вчера, что пишут сегодня // Альманах «XX век». Вып. 3. СПб., 2011. С. 3–21.
- 11 Фронтальной блокнот Зощенко (1914–1919 гг.) // Фонды ГЛМ «XX век». КП 308. РД 110.
- 12 Там же.

- 13 Записная книжка (1957–1958 гг.) // Там же. КП 227. РД 29.
 14 Там же.
 15 Там же.
 16 Блокнот (ноябрь 1918 г.) // Там же. КП 490. РД 292.
 17 Записная книжка (1957–1958 гг.).
 18 Блокнот (ноябрь 1918 г.).
 19 Там же.
 20 Зоценко М. Сентиментальные повести. М., 2008. С. 407.
 21 Зоценко М. Нервные люди. М., 2008. С. 422.
 22 Блокнот (ноябрь 1918 г.).
 23 На 60-летию Евгения Шварца в 1956 г. Михаил Зоценко поприветствовал юбиляра так: «С годами я стал ценить в человеке не молодость его, и не знаменитость, и не талант. Я ценю в человеке приличие. Вы очень приличный человек, Женя» (Цит. по: Биневиц Е. Е. Шварц. Хроника жизни. СПб., 2008. С. 600).
 24 Блокнот (ноябрь 1918 г.).
 25 Там же.
 26 Записная книжка (1954–1956 гг.) // Фонды ГЛМ «XX век». КП 226. РД 28.
 27 Там же.
 28 Блокнот (ноябрь 1918 г.).
 29 Там же.
 30 Там же.
 31 Записная книжка (1954–1956 гг.).
 32 Блокнот (ноябрь 1918 г.).
 33 Записная книжка (1954–1956 гг.).
 34 Блокнот (ноябрь 1918 г.).
 35 Там же.
 36 Записная книжка (1957–1958 гг.).
 37 Там же.

УДК 821.161.1.09-2+929[Ильф+Петров+Катаев]

ПЬЕСА И. ИЛЬФА, Е. ПЕТРОВА, В. КАТАЕВА «БОГАТАЯ НЕВЕСТА»: ФУНКЦИИ ИГРОВОЙ ПОЭТИКИ

М. А. Шеленок

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: shelenokmishka@rambler.ru

В статье исследуется игровая поэтика пьесы И. Ильфа, Е. Петрова, В. Катаева «Богатая невеста». Выявляется роль игрового начала на уровне развития действия, характерологии, языковых стратегий соавторов. Раскрывается сатирический (социально-политический) подтекст водевиля нового времени, двойственность в изображении колхозной жизни 1930-х гг. в произведении.
Ключевые слова: И. Ильф, Е. Петров, В. Катаев, игровая поэтика, водевиль, сатира, подтекст, пародия, языковая игра, карнавализация.

The Play *The Rich Bride* by I. Ilf, E. Petrov, V. Kataev: the Functions of the Play Poetics

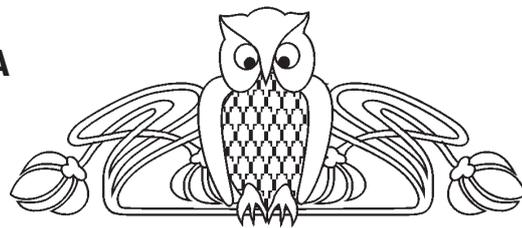
М. А. Shelenok

The article studies the play poetics in I. Ilf, E. Petrov, V. Kataev's play *The Rich Bride*. The role of the play is singled out on the level of character and action development, and the language strategies of the co-authors. The satirical (social and political) underlying message of the new time vaudeville is revealed, as well as the ambiguity in portraying the kolkhoz life of the 1930s in the play.

Key words: I. Ilf, E. Petrov, V. Kataev, play poetics, vaudeville, satire, underlying message, parody, language play, carnivalisation.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-1-90-97

«Комедия в трех действиях» «Богатая невеста», написанная И. Ильфом, Е. Петровым и В. Катаевым в августе 1935 г. по впечатлениям от летней поездки в колхозы и совхозы Украины, была опубликована в январском номере журнала «Театр

и драматургия» за 1936 г., однако не ставилась до сих пор. Изначально комедия прошла Главрепертком и была одобрена. Соавторы заключили договор с Ленинградским областным управлением по охране авторских прав и театром «Комедия» на постановку «Богатой невесты». В этом же году пьеса, по неизвестным причинам, была передана в Московский мюзик-холл. Постановка так и не состоялась. Новая попытка поставить пьесу была предпринята коллективом Театра сатиры в 1938 г. Главрепертком повторно рассматривает «Богатую невесту», выдвигает целый ряд замечаний и делает вывод, что текст нужно отдать авторам (одного из которых – Ильфа – уже нет в живых) на переработку¹. Цензоров не удовлетворил подход драматургов к изображению колхозной жизни. Женские персонажи, а именно – бригадиры Поля и Галя, по их мнению, слишком «глуповаты» (идеологическая критика считает недопустимым подобное изображение героинь, находящихся на руководящих должностях). В тексте пьесы обнаружено множество двусмысленных выражений, негативную реакцию вызвал образ кооператора Гусакова, а связанные с данным персонажем коллизии были поняты как сатира на современность: «... когда снабжение населения предметами широкого потребления явно недостаточно, подчеркивание скверной работы кооператора Гусакова может быть воспринято, как злопыхательская, политически вредная болтовня»². Позже добавилось требование о специальном разрешении военного цензора: «Богатая невеста» должна была получить визу на сцены с участием краснофлотцев. На этом сценическая «эпопея» «Богатой невесты» Ильфа,